

Воспом. 1925 № 8
(публикации А. Сиверса) 121

благодарности, а там по принадлежности серенада (а прогос, не брэнчили ли ты на гитаре?), а там ревнивый мусульманин, а там — и так далее. Это очень хорошо для производства в поэмы и для поддержания скуки гарнизонного платонизма.

Я живу с книгами и с мечтами. Любуюсь морозными астрами на спящих окошках и редко купаюсь в зимних туманах, т.-е. сижу сиднем как Илья Муромец. Ты должен, любезный брат, оправдать благость провидения, спасшего тебя — став достойным жизни. Книга мира пред тобою и в ней узнаешь ты, что нет иной мудрости, кроме правды и правоты. Да сохранил тебя Бог в боях и мире — для успокоения несчастной матушки нашей.

Брат Александр.

3. Письма А. И. Вегелина из ссылки.

Согласно указа от 8-го ноября 1832 г., Александр Иванович Вегелин, отбывший назначенный ему по высочайше подтвержденному 15-го апреля 1827 г. приговору военного суда по делу о Тайном Обществе Военных Друзей 10-летний срок каторжной работы в Петровском Заводе, был освобожден ранее срока и обращен на поселение в Сибири¹⁾.

25-го января 1833 г. Вегелин покинул Петровский Завод. „Сегодня в исходе девятого проводили мы нашего доброго Аврамова, доброго Вегелина в Шимкова, — писала в тот же день Марья Казимировна Юшневская своему beau-frère'у Семену Петровичу Юшневскому в Подольскую губернию. — Прощание трогательное, и брат твой поплакал вместе с ними. Александр Иванович Вегелин, хотя меньше нас знает, ибо познакомился с братом твоим в заключении, но чаще всего бывал он у нас, оказывал брату твоему привязанность и почтение. Приятнее, говорит он, было мне всего с вами проводить время, и я расстаюсь с вами, как с родными. И вправду с чувством непритворным, с рыданиями, обнимал он брата твоего, и мы простились, растроганные до глубины сердца“²⁾.

¹⁾ См. мою статью — «Тайное Общество Военных Друзей (1825 г.)» в журнале «Дела и Дни», 1920, кн. I, стр. 239—259. Письма жен декабристов к родным Вегелина за время пребывания его в Чите и в Петровском Заводе были напечатаны мною в сборнике «Огни» (история, литература), II, 1916, стр. 119—156; там же помещен и портрет А. И. Вегелина.

²⁾ «Письма декабриста А. П. Юшневского и его жены из Сибири», Киев, 1908, стр. 71. С. П. Юшневский, служивший раньше в канцелярии главнокомандующего 2-й армией и сам бывший членом Южного Общества, знал лично многих южных членов, в том числе Павла Васильевича Аврамова и Ивана Федоровича Шимкова; Вегелина он не знал ранее, но судьба последнего могла его заинтересовать в виду близких отношений, которые были у него со старшим братом Вегелина — Эмилием Ивановичем. Э. И. Вегелин в 1818 г. состоял штабс-ротмистром Волынского уланского полка и 10. V был переведен в л.-гв. конно-егерский полк и назначен затем адъютантом к графу Ланжерону; проживая в Одессе, он состоял членом местной масонской ложи „Эвексинский Понт“; 24. II. 1824 он был переведен майором в Мариупольский гусарский полк; выйдя впоследствии в отставку полковником, он проживал в имении в Подольской губернии, близ Тульчина, † 1848.

Радость, принесенная первым известием о предстоявшей свободе, была скоро омрачена разлукой с товарищами, и для многих, несомненно, одинокая жизнь на поселении, в виду оторванности от обычной среды, неблагоприятных климатических условий и административных ограничений, была тяжелее и труднее пребывания в Петровском Заводе.

Печатаемые ныне девять писем А. И. Вегелина за первый год жизни его на поселении были переданы мне еще в 1916 году Н. К. Эссенем. Из писем этих первое написано по-французски и дается в переводе, остальные написаны по-русски.

1. К. Марье Ивановне Козенс¹⁾.

Большой Нерчинский Завод
10-го февраля 1833.

Наконец, после семилетнего перерыва, получил я сегодня разрешение, дорогая и уважаемая сестра, лично писать вам; буду ли я в состоянии описать радость и удовольствие, которые испытал я, получив дарованную нам милость, так как мы отправляемся к месту нашего назначения на поселение. О скольких вещах хотелось бы вам сказать теперь же, дорогая сестра, но я должен откровенно сознаться, что я не знаю, с чего начать; мои мысли до того спутаны, сердце настолько охвачено радостью, что с трудом удается мне сохранить в голове последовательную мысль и даже рука хотела бы писать эти строки много скорее, чем раньше, сегодня в первый раз после семи лет она держит перо, и не удивляйтесь, дорогая и обожаемая Мари, если вам будет затруднительно разбирать мой почерк; к тому же я должен торопиться, чтобы иметь возможность написать несколько слов любезной Флэне²⁾, тем более что еще сегодня я должен сдать свои письма г. Татаринину (начальнику Нерчинских горных заводов), надзору которого я верен³⁾, получив разрешение остаться на Большом Заводе всего только один или два дня, — поэтому вы простите, что это письмо не вполне удовлетворит ваше любопытство.

Мне хочется, однако, начать с описания того момента, когда нам объявили дарованную милость: 25-го декабря, день столь торжественный для всякого христианина, мы получили приказание собраться в большой зале, находящейся в самом здании нашей казармы, и там нам прочли указ его величе-

¹⁾ Марья Ивановна Козенс (р. 2. VII. 1791, † 5. III. 1859), старшая сестра Вегелина от первого брака его отца доктора медицины Иоганна-Кристофа Вегелина † 1816 в Варшаве) и Елизавете-Вильгельмине Мальвье († 1796 в Варшаве), бывшая замужем за италейстером Александром Рыцаревичем Козенсом (р. 30. IV. 1764 † 3. X. 1841).

²⁾ Жена Э. И. Вегелина — Флэна Алексеевна, рожденная Тутолмина (р. 1810, дочь генерал-майора Алексея Тимофеевича Тутолмина, женатого на Екатерине Николаевне Изыковой); через много лет после смерти мужа она вторично вышла замуж за кашгана л.-гв. конно-гренадерского полка Ипполита Викентьевича Березовского (впоследствии отставной генерал-майор).

³⁾ Горный начальник Нерчинских заводов полковник Степан Петрович Татарин; произведен в генерал-майоры 27. XII. 1840, с назначением на другую должность.

ства, согласно которому 18 из заключенных получили свободу; первый момент, как вы можете хорошо себе представить, был преисполнен одним всеобщим ликованием, но поемному мысли о разлуке с людьми, столь близкими нашему сердцу, в сильной степени его смутила; нам дан был срок до 12 января, чтобы приготовиться к дороге. — И в тот момент, когда первые четверо должны были нас покинуть, каждый из нас почувствовал всю тяжесть горя от разлуки один с братом, другой с другом, в числе первых отправленных был Константин Игельстром. Вы можете себе представить, как должен был я страдать, прощаясь с ним в последний раз! в течение 22 лет мы были с ним почти неразлучными, несчастье, если можно так сказать, удвоило нашу связь, и теперь я не знаю даже, куда он отправлен на поселение¹⁾. 25-го января наступил мой черед покинуть товарищей по несчастью, много, много слез пролил я, расставаясь с ними. — Слава богу, я очень хорошо совершил свое путешествие досюда, и мне остается еще около 300 верст до места, назначенного мне для поселения; оно будет в волости, которая называется Встретенская [sic], в 80 верстах от города Нерчинска, на берегу р. Шылки. Вот куда все, что я могу сообщить вам относительно своего устройства, но как только я приеду на место, я постараюсь удовлетворить ваше любопытство подробным описанием; одно, что я могу еще добавить, это, что я там буду один, совершенно один. — Как только я приехал, вчера около 12 часов дня, сюда на Большой Завод, я имел счастье получить ваше милое письмо от 12-го декабря: это второй раз, дорогая Мари, что я получаю ваши письма в дороге — первое было, когда я прибыл из России в Иркутск. Ах! какую радость и какое утешение оно мне принесло, ах! сколько слез пролил я, читая его! представьте себе состояние, в каком я находился за 7000 верст от родных, считая их почти навсегда потерянными, не имея никакой надежды получить от них какую-либо весточку, — и ты вдруг изменила совершенно это ужасное состояние, как благодарен я тебе за это, дорогая и добрая Мари, как чувствую я себя виноватым перед тобой и, нужно сознаться откровенно, к своему стыду я тебя мало знал до того момента; со времени, как мне пришлось оставить в 1810 году родительский кров, я не написал вам ни строчки, лишь раз две недели провели мы вместе — это было в 1818 году в Воличе, — с этих пор только из писем нашей почтенной матушки имел я время от времени известия о тебе. Мог ли я, при этих усло-

¹⁾ Константин Евстафьевич (Густавович) Игельстром, осужденный также по делу Тайного Общества Военных Друзей, служивший ранее в Литовском пионерном батальоне вместе с Вегелином, приходился двоюродным братом этому последнему — мать Вегелина, Фридерика Августа, рожденная Игельстром, была единокровною сестрою отца Константина Игельстрема. Выбор места поселения для осужденных по Белостокскому делу был предоставлен усмотрению генерал-губернатора А. С. Лавинского; Игельstromу было назначено с. Тасеевское, Канского округа Енисейской губернии (см. «Дела и Дни», кн. I, стр. 258). Об условиях жизни в Тасеевской — см. письмо Игельстрема к А. А. Брюкову (не дошедшее до адресата), напечатанное И. Чагиным в Иркутской газете «Свободный Край», от 27-го декабря 1918, № 96 (цитирую по «Былому», № 15, 1920, стр. 158).

виях, ожидать, что именно вы первая дадите мне утешение, что, несмотря на приключившееся со мной несчастье, я не забыт своими родными; как признателен я вам, добрая сестра; лучшая школа для изучения людей — несчастье, очень грустно проходить через нее, но, клянусь тебе, я не жалею, так как она дала мне лучшую сестру в целом свете! Как жалею я о том времени, когда я вас так мало знал, и я никогда не прощу себе такое легкомыслие... Но довольно пока об этом, сердце мое чересчур расстроено, чтобы продолжать, я чувствую себя настолько виноватым перед вами, что излишне оправдываться, поверь мне, дорогая сестра, что было очень мало моментов, на дню, когда я не чувствовал этих угрызений совести.

Одновременно с вашим я получил также письмо от любезной Флэны, они все совершенно здоровы, ее маленький Саша, по ее словам, премилый ребенок, несмотря на то, что он похож на нее — это ее подлинные слова; для тех, кто ее не знает лично (а это как раз мой случай), это не особенно лестно для ее наружности, но по всем тем доказательствам дружбы, которые она выказывает мне в своих письмах, надо думать, что она действительно из лучших людей на свете. Передайте, дорогой друг, нашей доброй сестре Софи, что я не отвечаю на этот раз на ее письмо от 16-го ноября; надеюсь, что княгиня Волконская была столь добра, что поблагодарила ее от моего имени за ее милое письмо. Простите, дорогая и добрая сестра, что я причинил вам еще лишний расход — в 200 руб., о которых по всей вероятности княгиня уже вам написала, но, как мне нужно было уезжать, и у меня не было в то время денег, я обратился к ней, не рассчитывая в скорости получить денег от вас¹⁾.

Простите, дорогая и добрая сестра, что я должен пока покинуть вас, уже спрашивают мои письма, я даже не смогу сегодня ответить Флэне. Передайте, пожалуйста, дорогая Мари, выражение моего уважения вашему достойному и почтенному супругу и вашей прелестной дочери²⁾ и ее мужу. Я покидаю вас, дорогой и добрый друг, высказывая самые горячие пожелания, чтобы небо сохранило всех вас в добром здравьи и продлило бы возможно дольше вашу жизнь для утешения вашего несчастного брата и друга.

А. Вегелин.

2. К Софье Ивановне Засс³⁾.

Село Стретенское. 25 февраля 1833.

Я надеюсь, милая София, что ты не обвинишь меня и не сердиться, что до сих пор я не писал к тебе; из письма моего к доброй нашей сестре

¹⁾ Ср. письмо княгини М. Н. Волконской к М. И. Козенс от 27-го января 1833 г. — сборник «Огни», стр. 149—150.

²⁾ Софья Александровна Козенс (р. 21. VII. 1810 в Бердичеве, † 4. VI. 1884 в Дерпте), бывшая замужем (с 21. VII. 1828) за полковником конной гвардии (впоследствии генерал-от-кавалерии) Антоном Антоновичем фон-Эссенем (р. 13. III. 1798 в Эстляндии, † 14. IV. 1863 в Дерпте).

³⁾ Сестра Александра Ивановича — Софья, вышедшая замуж за своего двоюродного брата майора Петра-Густава-Отто Засса (р. 30. XII. 1786); впоследствии она была начальницей Полтавского девичьего института.

Козенцовой, ты могла видеть, что время дано мне было так коротко для писания писем, что едва и оно кончилось; ибо в тот самый день отходила почта. — Приехавши на место моего жилища, т.-е: в Волость Стретенскую 13 февраля, я принужден был прожить целые четыре дня в избе со многими хозяйскими людьми, по причине, что не мог найти особенной комнаты в целой деревне; те же, которые теперь занимаю, до самого моего приезда не топились, и одно только нетерпение писать к вам, милые и дорогие Друзья, заставило меня, не взирая на порядочной холод и даже несколько угару, перейти! С прошлой почтою писал я к Юлии ¹⁾ и Флэне, и потому прошла еще неделя, и ты не получала от меня ни слова; писать же первые дни моего приезда, когда я жил в избе, не было никакой возможности; едва мог я найти маленькой уголок, гдеб положить мои вещи и кое-как поместиться самому; прибавив еще к тому, что несколько десятков людей входят и выходят в продолжение дня, крик маленьких детей, суетливость и болтливость хозяйки, и ты убедилась, что и трудно было подумать о письме. — Теперь же даю тебе слово, что каждую четвертую почту будешь получать от меня письмо; вероятно впоследствии они не будут очень интересны, ибо, живя в деревне, не видя никого, не имея к несчастью никакого морального занятия, будучи лишен вовсе книг (которые я имею у себя, и то очень малое число, читаны и перечитаны), где день сменяет другой ни в чем не развлекая, трудно будет найти материй о чем писать; но будучи уверен в твоей любви ко мне, недостаток материи не остановит меня писать к тебе, зная, что когда я напишу, что я еще жив и здоров, то будет достаточно для тебя, чтоб с удовольствием прочесть коротенькое мое письмо. — 11-го февраля, очень рано выехал я из Большого Завода, к месту моего пребывания; все те, с которыми мне удавалось говорить в Б. Заводе, наперерыв выхваляли мою деревню, один толковал мне о дешевизне, другой о прекрасном местоположении, этот о легком способе доставать пушной товар, другой о добрых людях etc., etc., etc., можно было бы еще с пол дюжины ецетр [sic, etc.] написать и едва ли оных было бы достаточно для всех похвал сделанных. — Итак, в субботу утром, набив кое-как всю мою маленькую умственную суму сими похвалами, с нетерпением хотел прибыть поскорее в сию обетованную землю. — На третий день, едва проехав несколько верст, емщик показал мне рукою на право, говоря: „вот сюда, барин (нас все еще так величают), наша дорога“. Признаюсь тебе, друг мой, что, бросив глаза по направлению его руки, сердце невольно екнуло, я увидел, что надо было нам свернуть с большой дороги. — Кажется довольно меня приучили ко всем печальностям; но таков человек: прошедшее забывает, а страшит его только настоящее и будущее иногда; то же и со мной случилось. Увидев, что надо въезжать в узкое ущелье между огромными горами, невольной трепет пробежал по телу; казалось с оставлением большой почтовой дороги, оставляю все, что до сих пор меня утешало или радовало. — Дорога же, ведущая до самой моей деревни, пространством на 71 версту, ничем не могла

¹⁾ Третья сестра Вегелина — Юлия Ивановна, в замужестве Граве.

переменить первого впечатления; представ себе, друг мой, с обеих сторон вовсе непривлекательные горы, с весьма бедною растительностью (едва ли можно найти дерев в диаметре $\frac{1}{4}$ ар.), большею частью тонкой березняк или лиственница, вот все, что в продолжение первых 18 верст я встречал. После сего маленькую скудную деревушку, из 20 или немного более хижин состоящую, где и переменяв лошадей, отправились до другой деревни, еще беднее и гораздо менее; все сие пространство на 28 верст надо было проехать чрез долину, где изредко и то вдали виднелся лес, и несколько юрт тувгуских; от сей же деревушки несколько дорога делается разнообразнее, едут речкою, коей берега довольно красивы; высокие и большею частью отвесистые скалы поражают взор и своим разнообразием и даже уродливостью невольно заставляют их рассматривать; не доезжая последних 3 верст, выезжаешь с этой речки на большую реку Шылку; тут все переменяется, а тем более переменялось для меня, ибо Стретенское Село явилось пред глазами!! Я не мог уже рассматривать красивые берега Шылки, не до того мне было. Стретенск своею белокаменною церковью стоял предо мною! воображение мое заиграло, тысячу идей переменяли одна другую — и не успев еще опомниться, как я находился уже у дома Волостного Правления. Козак, препровождавший меня, вошел в оное, а я, оставшись в санях, мгновенно был окружен крестьянами; слово секретной (сибиряки так шговаривают) беспрестанно поражаало мой слух. Чрез несколько минут вышел Волостной Голова; сев в мои сани, приказал ехать на квартиру вам известную. Едва внесли мои вещи, пришел горной чиновник унтер-шыхтмейстер, управитель сей волости, приказав мне выбирать все из моих чемоданов, дабы осмотреть все ли находятся вещи по сделанной описи в Петровском. Окончив сие, само собою разумеется я начал расспрашивать о житье-бытье здешних жителей, чрез час убедился, что похвалы, делаемые в Б. Заводе, были ничто другое как или деланы для утешения моего, или, как говорится: „езде хорошо, где нас нету“. — Дороговизна в здешнем месте невероятна с сравнительно с Четою или с Петровским, вот тебе, милой друг, маленький образец ценам: пуд ржи 2 р., к весне будет, вероятно, дороже, пшеницы 4 р., ярицы 1 р. 90 к., гречишная крупа 2 р. 40 к., мясо пуд 3 р. 50 к., летом же 4, пуд картофеля 1 р. 50 к., масло 22 р., работник на хозяйских харчах 5 руб в месяц, лошадь крестьянская порядочная от 50 до 60 р., корова хорошая 25 руб., рыба здесь почти не ловится. Пушной товар почти в одинаковой цене, как во всей Сибири, т.-е: белка от 70 к. до 1 р., лисица красная 8 р., чернобурая 25, соболь лутчий 25, старой медведь 12 р. и 15 р., молодой 5 р., надо однако прибавить, что здешние меха суть лутчие. — Не имея способов на первой раз предпринять что-либо, я принужден был нанять себе квартиру с тем, чтоб меня и кормили, правда что довольно дорого взяли, но нигде не мог я найти дешевле и иметь еще ту выгоду, что у меня особенная комната. Я плачу 15 руб. в месяц — комната моя разделена на двое перегородкою деревянною, в одной половине мои спальня, а другая, которая поболее, гостинная без гостей. — Хозяйка дома есть добрая старушка лет 60, с которою судьба также довольно наигралась;

вообрази она дочь бывшего начальника всех горных заводов при Государыне Екатерине II, бригадира Барбот де Марни ¹⁾, мать ее дочь генерал-аншефа Зранта, а она теперь замужем за простым крестьянином; потеряв двух мужей, которые были чиновники горного ведомства и оставшись после последнего, в совершенной нищете с тремя взрослыми дочерьми, не имея даже столько, чтоб нанять работника, принуждена была выйти замуж за прежде бывшего ее работника, чтоб быть хотя в состоянии прокормить как себя, так и дочерей, и теперь живет в маленьком домике со всею семьею, возле моего. — Вот 12 дней, как я на месте, но до сих пор не могу придумать, каким бы образом начать мне свое хозяйство; кажется, что самое лучшее и самое верное будет заняться хлебопашеством, и для сего намерен и весною нанять у крестьян 3 или 4 десятины паровые; на первой раз хотя оно не очень выгодно будет, ибо я вынужден буду нанять их с тем, чтоб они сами вспахали, взборонили и засеяли моим зерном (все сие будет мне стоить около 150 руб.), купить же лошадей, соху и проч., да нанять работников нет никакой возможности; финансы мои не в весьма хорошем состоянии. — Прошу тебя, друг мой, извини меня пред доброй нашей сестрою Козенцовой, что я ее ввел в новые издержки, заняв у Княгини Волконской 200 руб., никакого другого средства не было нам, чтобы выехать из Петровской, не заняв друг у друга денег; живя в тюрьме и не выходя никуда, нам вовсе не нужно было иметь никакой теплой одежды и много других вещей, которые только в дороге необходимы. — Нас так нечаянно отправили, что вовсе не были приготовлены, а как сие случилось еще во время самых жестоких морозов, то можешь себе представить, как увеличались издержки, около 130 руб. употребил я, как на покупку вещей, так равно и на все путевое мое содержание; с минуты, как нам объявили о нашем поселении, мы не получаем уж ничего от Правительства. Здесь я опять должен был порядочно издержаться, надо было от маленького гвоздика до большого стола все купить, ибо кроме стен ничего не было в комнате; надеюсь однакож с оставшимися деньгами прожить кое-как, до получения денег от Емила.

Благодарю тебя чувствительно, милая и добрая София, за сделанное тобою описание твоего маленького семейства; прошу тебя, поцалуй тысячу раз милую твою Сонюшку за участие, которое она брала в везании для меня шапочки, она мне с большой пользой служит, ибо вот 7 лет, как страдаю довольно часто головою болью, — расцалуй также за меня Леона ²⁾; скажи мне, пожалуйста, неужели он вовсе потерял способность говорить, я помню очень хорошо, что, находясь в последний раз у драгоценной и дражайшей покойной нашей матушки, он говорил тогда как ребенок 4 лет, имел 8, и потому прошу

¹⁾ Егор Егорович Барбот-де-Марни (годы рождения и смерти его неизвестны) начальник над Чернышевскими горными заводами (21. в. 1788 был произведен в коллежские советники), строитель Большого Чернышевского завода, умер на заводе (см. о нем Русский биограф. словарь, том II, стр. 497).

²⁾ Сын Софьи Ивановны — Александр-Лев-Отто Засс, родившийся 3-го февраля 1818 г.

тебя напиши мне все подробно, а может быть Леон, не забыв своего дядю Касальдера (так он меня называл, если помнишь) напишет и сам к нему, что бы меня чрезвычайно обрадовало. —

Флеушка писала мне, что она просила Козенцову собрать в Петербурге цветных семян для меня, прошу тебя скажи ей, ежели она еще не отсылала их, то они теперь мне вовсе не нужны; то, что можно было делать в Петровском, того нет никакой возможности делать мне в Стретенске. — Одно, что хочу просить у вас, милые сестры, это чтоб вы мне присылали хоть по 50 книг в год, с тем, что я их всякой раз, по прочтении, буду отсылать во всей исправности. [Далее перевод с французского]. В особенности, если у вас есть, какие-нибудь *Revue*, начиная с 1832 г., другие года мы уже имели в Петровском. Вы доставили бы мне большое удовольствие, если бы прислали несколько книг, вышедших за последнее время, как, например: мемуары, романы и т. п.; что же касается до газеты политической, которую добрая Мари, может быть, будет мне посылать, то до сих пор я не имею ответа на мою просьбу по этому поводу; как только я начну ее получать, я сообщу об этом. Есть русский роман, только первый том которого я прочел; находя его очень милым, я хотел бы получить его целиком, это — Последний Новик, соч. Ложешникова. Мои просьбы к вам не ограничиваются этим, у меня есть еще одна дорогая и добрая сестра, и она самая важная в моем положении; будучи лишена какой бы то ни было медицинской помощи на случай болезни, я хочу вас просить выслать мне разных лечебных трав, мазей, пластырей и хины, развешенной в порошок, потому что жители моей деревни мне говорили, что каждую весну здесь страдают очень от лихорадки, а также небольшую книжку, с указанием лекарств от разных болезней. Вы мне этим сделали бы настоящее благодеяние. Прощай, добрая и нежная сестра, я мысленно прижимаю тебя к своему сердцу, испрашиваю у всемогущего сохранить тебя в добром здравьи, равно как всю твою семью.

Прощай еще раз; твой нежно любящий брат и друг

А. Вегелин.

3. К Эмилию Ивановичу и Флене Алексеевне Вегелин.

№ 2.

Село Стретенское. 11-го Марта 1833.

Я не писал к вам, милые и добрые друзья, по прошедшей почте для того, что полагал получить от вас непременно письмо; но обманувшись в ожидании своем, не хочу быть долее в долгу у вас, дав обещание в прошлом письме описать мое житье-бытье, и для того начинаю оным сие письмо. — Представьте себе деревню в самой почти оконечности восточных пределов огромного Российского Государства, удаленную еще при том от большой почтовой дороги на 71 версту; деревню говорю, состоящую из не более девяти-десяти домов самых бедных, с маленькою каменною церковью, окруженною с трех сторон большими горами, на которых ничего более не растет, кроме неболь-

шого березника, у четвертой же стороны река Шылка протекает; [со] скудным хлебопашеством, с немногим скотом (четвероногим), с крестьянами и крестьянками в запачканных шубах, весьма недалеко отошедших от варварского состояния, и вы будете иметь некоторый очерк места пребывания вашего брата. отушевавши его: с совершенным одиночеством, с смертельною скукою, и дороговизною, происходящею от неурожая нынешнего года в целом Нерчинском крае, вы будете иметь полную картину, правда, некрасивую, но „чем богат, тем и рад“. — Признаюсь вам, друзья мои, все это ничего не значило, еслиб я был поселен с добрым товарищем, тогда бы над одним посмеялись, над другим не допустили бы мыслям остановиться, над третьим... но быть совершенно одному, в продолжение целых дней—месяцев, не проговорить слова — т.гостнее всего. — Может статься, современем привыкну; родившиеся здесь находят место сие довольно хорошим, есть река с небольшою рыбою, есть где небольшую пашню всахать, есть горы, где зверь находится, и потому человеку для прожития физического есть достаточно источников, — но сему не всяк довольствуется. —

На прошедшей неделе имел я счастье поговорить несколько часов о вас, милые друзья, с Иваном Богдановичем Цейдлером ¹⁾, он, объезжая для осмотра свою губернию и будучи в 70 верстах от меня, приказал мне выехать в д. Бипкину, на почтовой дороге находящейся, чтоб с ним видется: с какою радостью поспешил я на место свидания, вы можете себе представить. Много говорил он мне о доброй нашей Козенцовой, о Софии, которых три года тому назад он видел в Петербурге, говорил о тебе, о твоём счастье и проч., проч. — эти часы долго пробудут в памяти моей. — Вследствие сего свидания я принужден был переменить весь мною начертанный план для будущей моей жизни. — Я предполагал весною заняться пашнею; сколько мог я зам-тить, это есть в здешнем месте самый верный источник для пропитания, хотя крестьяне сей деревни неохотно ею занимаются, но сему есть погубная причина „от старого не отставать“, — занимаясь с давних лет звероловством и находя в то время более выгоды от охот, нежели от пашен, вовсе ею не занимались; — с увеличением народонаселения в Сибири, увеличилось также число промышленников, и зверь удалился вовсе от сих мест, вот несколько лет сряду, как от сего промысла не получают никакой выгоды, ибо весьма мало находят зверей, несмотря, что они отходят от места своего жилища на 700 и более верст, в места совершенно необитаемые; те же из крестьян, которые решились заняться хлебопашеством, гораздо в лучшем состоянии находятся, нежели звероловы, а особенно их поправил сей год, ибо в целом Нерчинском крае не было урожая, кроме мест, близ Шылки находящихся; хотя и здесь был не лутчий, большею частью от ранних морозов хлеба не совсем дозрели, но не взирая на сие, он продается весьма дорого; зерном рожь 2 р. 30 к. пуд, пшеница (с трудом можно достать, и то позаб-

¹⁾ Иван Богданович Цейдлер (р. 1777, † 10. ил. 1853), был иркутским губернатором с 1821 по 1835 г.

шал) 4 р., гречка 2 р. 40 к. и прочий хлеб в подобной цене; масло коровье 22 р. пуд., мясо 4 руб., всегдашняя цена в здешнем месте крестьянской порадочной лошади от 50 до 60 руб.; корова хорошая 25 р., а работник на хозяйских харчах 60 руб: в год. — Вещи же, для дому необходимые, нету никакой возможности купить, по причине их дороговизны; вообразите, что простой самый столик, даже не выкрашенной, стоит 5 р.; стул, который едва можно назвать стулом — 3 руб: и все остальное в подобной цене. — Можете судить, сколько должен я был истратить денег, чтоб кое-как убраться мои комнаты; к счастью моему, добрая Козенцова как раз во время выслала мне 250 руб. — Я плачу моей хозяйке 45 руб: в три месяца за дом и за стол, не прошел меслц, а уже она поговаривает, что на будущее время не возьмется иначе как прибавив ей еще 10 руб: — завестись самому хозяйством, купить дом и проч: не имею никакой возможности; за дом, в котором я живу, просит она 400 руб: за другой же дом, который не имеет даже особенной комнаты, одна только изба, перегороженная досками, просит 350 руб.; других же порадочных домов в целой деревне нету, дурной же купить не стоит. — Я хотел весною нанять 4 или 5 десятин, чтоб их засеять, хотя это стоило бы около 160 руб.; но все было бы мне выгодно, ибо тогда мог быть я совершенно независимым в моих хозяйственных действиях зимою; но узнав от Ивана Богдановича, что может быть государь император позволит быть нам поселенным по несколько человек вместе; тем более что двое из моих товарищей Нарышкин и родственник его Лорер (которые были назначены, первой в г. Енисейск, а второй в Иркутскую губ: быть поселенным) по просьбе тещи Нарышкина, Графини Коноввицаной, получили позволение быть поселенным в Тобольскую губернию в город Курган, несмотря, что там несколько человек уже находится; — и потому не хочу предпринимать ничего до осени, может быть до того времени буду я так счастлив, что оставлю мой Стретенск. —

С будущей почтой, хочу просить нашу добрую сестру Козенцову, если может она, то чтоб обратилась с просьбою к Его Сиятельству Александру Христофоровичу Графу Бенкендорфу, чтоб меня перевели в какой-нибудь из южных городов Тобольской губернии, как-то: Курган, Ялтурск или Ипым; — кроме всех выгод, предстоящих от сего перемещения, как-то: лучшего климата, дешевизны, сообщество добрых товарищей и проч.; буду я еще, более 4000 верст ближе к вам, родные мои! Ежели успею и будет довольно времени, то может быть напишу еще и с сею почтою к Марии; во всяк м случае, любезный Емил, потрудись написать сам к ней о моем желании. — Признаюсь вам, хотелось бы как можно скорее оставить сии места; представте себе, до сих пор морозы почти не уменьшаются у нас, все еще по утрам ртуть опускается до 25 град: — по уверению жителей, снег начнет таять только чрез три или четыре недели; при столь сильных морозах ежедневно дует еще ветер северный, ибо место сие совершенно открыто на 4 версты, по которому и протекает река Шылка, меж высокими горами, составляя как бы трубу. Весною, непрерывные туманы, внезапная перемена температуры, переходящая от холода к теплоте, производят сильнейшие лихорадки, и весьма мало лю-

дей, которые могли бы избегнуть сей болезни; не имея никакого медицинского пособия, многие мучаются по целому году.— Сделав извлечение со всего того, что я описал, можете убедиться сколь нехорошо место моего поселения.—

Прощайте, милые и добрые друзья, целую вас тысячу крат мысленно; молю ежедневно всевышнего о вашем драгоценном здоровье.— Саму расцелуй за меня, милая Флена,— скажи Христьян Яковлевичу, что пока не будет у меня твоего портрета, я на него сердиться буду, и не буду просить, чтоб ему кланялись от меня.— Хотя не имею удовольствия быть знакомым с Софиею Алексеевною, но попроси ее, милая Флена, от меня, чтоб в первой раз, когда она будет писать к своим достойным родителям, засвидетельствовала все мое почтение ¹⁾. Вас любящий друг и брат

А. Вегелин.

4. К Софье Ивановне Засс.

с. Стретенское. 30 мая 1833 года.

Милая и любезнейшая сестрица! — Пропекая неделя была для меня одна из приятнейших проведенных в Стретенских, едва возвратился я с пашни в понедельник, как позвали меня к Управителю, который отдал мне два письма; одно от тебя, милой друг мой, от 6 марта, другое от Юлии от 2-го того же месяца; до сих пор что живу здесь, ни одного разу не случилось, чтоб по одной почте получал я по два письма; — можешь себе представить, с какою жадностью пробегал я взорами ваши письма еще у него; отправился домой и несмотря что на другой половине в избе до 25 крестьян ужинали довольно шумно, прочел я в другой и в третий раз. — Письмо Юлии меня очень обрадовало; пять месяцев протекло, что от нее не получал ни одной строчки, это меня чрезвычайно огорчало; не знал, чему приписать такое молчание, тем более видя всякой раз из ваших писем, что она здорова; до сих пор еще удивляюсь, что за причины могут ее удерживать так редко писать ко мне! первые четыре года получал я очень окурратно от нее, но с прошедшего года получено мною только пять писем; — неужели мало-помалу дойду до того, что лишусь единственного утешения и счастья в моем и так уже горестном положении? — Нет, да сохранит бог от сего! лучше умереть, чем быть забытым от тех, которые так милы сердцу моему. — Еслиб могли вы видеть, какая радость, как спокойно и могу сказать счастливо провожу ту неделю, в которую получаю от вас, друзья мои, хотя самое коротенькое письмецо; — лишь только грусть, скука или какие неприятные мысли

¹⁾ Художник Христьян (Карл-Христьян-Филипп) Яковлевич Рейхель, р. 1788, сын польского медальера, младший брат известного пумизмата и медальера Якова Яковлевича Рейхеля; он окончил Академию Художеств в 1809 г. с первою золотую медалью и по постановлению Академии от 7-го мая 1810 г. отправлен пенсионером в Париж и Рим, откуда вернулся в Россию в 1811 г.— см. о нем ирм. С. Р. Эрнста, „Старые Годы“, 1916, № 1 — 2, стр. 90 — 92. Х. Я. Рейхель был женат на дочери Марии Казимировны Юшневской от первого ее брака — Софье Алексеевне.

родятся в голове моей, то, поверь мне, одно спасение — ваши письма; прочитав их, мало-по-малу успокаиваюсь и, находясь один одинешенек в комнате, не будучи никем и ничем развлечен, просиживаю без малейшего движения по целым часам в самых приятнейших размышлениях; — несколько раз случилось, что воображение так сильно воспламенится, что представляется мне так живо, так ясно, как будто совершенно на яву, что нахожусь я в кругу вашем, беседую с вами, целую ваши руки, спорю о различных предметах и пр.; признаюсь тебе, что в первый раз, когда это случилось, и очнувшись, я невольно испугался, тем более что спустя немного времени разболелась чрезвычайно голова; после сего еще три раза случилось подобное, не имел однако никакой головной боли, зато некоторую слабость в целом теле, но с тем вместе такое душевное спокойствие, что ты себе представить не можешь; странно что это делается совершенно независимо от меня; иногда нарочно стараюсь я завлечь воображение, чтобы довести до сей степени, но ни коим образом не могу оно сделать, когда мне захочется; я себя счастливейшим человеком считал еслиб мог по произволу оное производить. —

Ты спрашиваешь меня, милой друг, о моих занятиях, опишу тебе наиболее. — Встаю очень рано, почти с восхождением солнца; написавшись чаю, приведши в комнате все в порядок, занимаюсь до самого обеда обучением Рос: грамоте мальчика, который мне прислуживает; неизмерно какие способности и прилежание он имеет, представь, что в три месяца выучился он весьма порядочно читать, знает четыре правила арифметики, пишет же так хорошо, что я не смею взять перо в руки для поправления, а только словами указываю на неправильность букв; теперь начинаю его учить географии, уже знает он наизусть почти все государства и их столицы в Европе; к сожалению нету у меня карт геогр.; чтоб ему это все указать, составленная же мною для него карта Европы и глобус слишком неудовлетворительный, ежели можешь милой друг, пришли мне хотя самых простых, хоть не дороже 25 руб.; ты весьма меня сим обяжешь, и еще краткую Всеобщую Геогр., со: Константином Арсеньевым, 7 издание, краткую Всеоб: Историю и краткую Русскую Историю. В полдень отобедав самым умеренным столом, состоящим из двух блюд, не очень вкусно приготовленных, ложусь обыкновенно спать на час или полтора, потом опять занимаюсь моим учеником, в сие время арифметикою. Я забыл тебе сказать, что когда он начал со мною заниматься, то с трудом и то по складам умел он читать. — После учения хожу гулять, пришедши, до вечера перечитываю старые мои книги иную в пятый, иную в десятый раз, или если получил от вас письмо, то готовлю ответ; настает вечер. — просиживаю на крыльце до поздних сумерок, рассматривая и любясь дикою здешнею природою, или работаю что-нибудь в моем маленьком огороде, который не очень хорош сего года, некоторые растения вовсе не взшли, как, например: арбузы и петрушка, вероятно семена были нехороши, я их здесь достал, ибо Флена сих семян не прислала. — Поужинав, опять что-нибудь читаю или пишу до поздней ночи; — тем оканчивается день — настает другой — тоже самое... третий — то же и так до седьмого. В празд-

ник, не занимаясь с моим учеником, обыкновенно мне гораздо скучнее — во и он проходит. Вот тебе описание целой недели, таким же образом и проходят месяцы.—

На прошедшей неделе в понедельник посеял я три десятины яровой ржи, взяв заимообразно до осени семена у казны. Вероятно тебя удивит, каким образом в один день мог я засеять три дес., не имея ни работников ни лошадей, ни все для сего нужное; вот для сего какой здесь способ: выбирают обыкновенно какой-нибудь праздник и на сей день просят крестьян на помощь, это то же, что в Польше просить на *dozinkę*, так же за работу не платят ни гроша, но должно сделать добрый обед, ужин, и само собою разумеется водка играет главнейшую роль, в особенности для здешних крестьян, которые, я уверен, перещегооляют все другие народы; неизменно как здесь пьют, многие совершенно разоряются от сей несчастной привычки.— Никоним образом не мог я найти людей, которые нанялись бы посеять мне в будний день, каждый занят своею работою, и потому принужден был последовать сему обыкновению, который каждый праздник здесь делается и для всякого рода работы; время чрезвычайно коротко и потому, поневоле, должны прибегать к сему способу, несмотря, что оный во всех отношениях не выгоден, кроме что оный весьма дорого стоит (мне обошлось 24 руб.), но и ужасно быть виновником сего гибельного порока; для избежания сих помочей я уже теперь нанимаю сять мой хлеб; ежели заранее оного не сделать, то во время жатвы никого не наймешь.— Осенью, ежели даст бог урожай, найму работника, куплю пару лошадей и тогда решительно обойдусь без сих помочей. Ежели бог благословит мои предприятия два или три года, то буду обеспечен самым необходимым; со временем куплю дом и заведу маленькое хозяйство.—Если Емилъ вышлет мне денег, то хочу осенью построить конную мельницу, она может большие выгоды мне доставить, ибо здесь все мелют на ручных жерновах и платят с пуда ржи по 10 коп.; а за пшеницу по 15 коп.; кроме того что должен еще хозяин кормить сего человека, несмотря что так велика цена, и то еще с большим трудом можно найти мельника. Следовательно ежели выстрою я мельницу и уменьшив даже цену, платимую до сих пор, то все должна она непременно откупиться в 1½ года, полагая употребить до 200 руб.; мне бы хотелось, друг мой, чтоб ты прислала мне несколько чертжей с описаниями различных конных мельниц, если в состоянии ты сего сделать, то обяжешь меня чрезвычайно.—Я вложу вас, милые и добрые родные, в большие издержки сей год, но простите меня; необходимость заставляет меня прибегать к вам, надеясь чрез то вскоре быть в состоянии обойтись совершенно присылкою ежегодных мне денег; ибо зная ваше состояние, знаю как трудно вам уделить от него для меня еще.

Я слышал, что Алек:[сандр] Рыд:[аревич] получил новые знаки милости монарха, поздравь его, друг мой, от меня; с каким страхом читал и строки в твоём письме, где ты описываешь удар, который с ним случился.— Благодарю провидение, что оно сохранило дни сего достойного человека.—

Предполагаю, что ты получишь сие письмо ко дню твоего рождения т.-е. 12 июля и вместе с тем к 25-му браку или как называют к серебряной свадьбе нашей любезнейшей сестрицы; поздравляю вас всех от души, желаю вам всех возможных благ; вспомните в тот день, что за 8000 верст от вас есть человек, который вместе с вами вознесет теплые молитвы ко всевышнему для подаяния вам счастья и продления дорогих дней ваших.—

Прощай, милая и любезнейшая сестрица, поцелуй за меня твоих детей, говори с ними иногда обо мне, чтоб не забыли меня они совершенно. Прощай еще раз, пиши сколь можно чаще к тебе любящему брату и другу.

А. Вегелин.

Пряжили мне друг мой твой адрес, ибо не знаю так ли я подписываю.

5. К Марье Ивановне Козенс.

Стретенск. 14 июня 1832.

Я не отвечал тебе, милая и дрожащая сестрица, на прошедшей неделе на твоё письмо от 31 марта, ибо не получал еще посылки, которая значилась по письму, теперь же она мне доставлена во всей исправности, и спешу благодарить тебя за милое внимание, которое ты всякой раз оказываешь во всех твоих действиях ко мне. Сколько должен благодарить я провидение за то счастье, что имею таких родственников как вы, друзья мои! Чувствую как мало я оного заслужил,—как прежней моею жизнью, так теперешним моим положением!—Но, да вознаградит вас всевышний за ваши добрые дела, милые родные мои!—Вчера еще имел я доказательство привязанности и братской любви вашей ко мне, вместе с посылкою твоею получил я от Емиля письмо, в котором пишет: что он просил тебя выслать мне в продолжение сего года 1000 руб: ассигн: для моего обзаведения. Все возможное употреблю, чтоб как наискорее облегчить вас присылкою мне денег, друзья мои; знаю как малы ваши способы, знаю как трудно отделить от них даже самое малое. Надеюсь, что когда заведу все нужное для хлебопашества и, устроив маленькое свое хозяйство, тогда в состоянии буду прожить своими трудами, тем более что и прежде никогда не был я прихотлив, а теперь умею довольствоваться самым необходимым; об одном только буду вас вечно просить: это писать как можно чаще ко мне; в этом будет век находиться одно мое утешение, одно мое счастье!

Ты спрашиваешь меня, могу ли отлучаться из моей деревни и бываю ли когда в г. Нерчинске? Не помню, писал ли я вам о сем в прежних письмах, ежели же нету, то скажу тебе, что не позволяют мне ни шагу делать из села; это одно из величайших неудобств в моем положении, ибо за самой малейшею вещью, чтоб купить что-либо должен я нанимать крестьянина или дожидаться случая, чтоб послать за 70 верст, где жителство имеет 1 гильдии купец; тогда дает Управитель волости сему крестьянину записку, по коей уже и отпускает купец какой ему угодно товар, выставляя вместе с тем какую угодно цену; можешь себе представить, сколько тут невыгод, но что

делать!—Благодарю тебя, милая сестрица, за желание прислать мне газеты, они доставят мне величайшее удовольствие, ежели захочешь прислать Берлинские, то прошу тебя, друг мой, пришли так же маленькой лексикон Ольдекопа. Насчет семян попрошу тебя выслать мне только огуречные, петрушечные, свекловые, мар[кови], сал[ата] и капусты, это слишком достаточно будет, прибавив несколько зерн арбузовых и дынных, которых хочу более для опыту посадить, ибо утверждают, что в г. Нерчинске и в Большом Заводе они растут просто на грядах.—Весна сего года была у нас наимелестнейшая и хлеба наилучшим образом всходили, но теперь вот четвертая неделя, как ни одной капли дождя не было у нас, и все начало желтеть; сохрани бог ежели еще несколько дней не будет дождя! тогда крестьяне вовсе пропадут!—На будущей неделе надеюсь вспахать десятины 4 или 5 паров для будущего посева; насилу мог я достать сию землю, ибо близ деревни весьма мало у нас пашен, а большая часть находится за 5 и за 6 верст. Я просил чрез Управителя у Начальника заводов отвести мне землю, на что он и получил приказание оное выполнить; но отведено мне только 3 или немного более десятин, не знаю откуда достать еще, купить никто не продаст, а только уступают и то довольно дорого на два посева; может быть современем как нибудь будет легче купить.—

Прошу тебя, милый друг, напиши мне, где именно поселен Кон[стантин] Игел[стром], если ты знаешь; мне бы хотелось к нему написать.—Еще хочу тебя просить, ежели еще не вышлиш мне всех денег, которые Емил назначил, то удержать 200 руб: для покупки мне столовых часов руб: в 100; полагаю, что то гораздо лучше нежели купить карманные, ибо кроме, что за сию цену нельзя иметь порядочных, да и для починки будут они не так затруднительны; другие же 100 руб: отпшли, прошу тебя, бедному Константину, воображаю как ему трудно быть в теперешнем положении; хотя товарищи наши сделали все возможное при отправлении из Петровского тех, которые не получали ничего от своих родственников, но как в то время число их было немало, то и не могли для них сделать многое.—Засвидетельствуй глубочайшее мое почтение достойному супругу твоему и поздравь его от меня [с] новою монаршею милостью. Поцалуй за меня добрую нашу Софию, детей твоих и внушек.

Прощай, неоцененная и милая сестрица, любя тебе преданного по гроб брата и друга.

А. Вегелин.

6. К Марье Ивановне Козенс.

С. Стретенск. 11 Августа 1823.

Прошло около двух месяцев, что к тебе, милая и неоцененная сестрица не писал я, вероятно обвиняешь меня за столь долгое молчание; но поверь, друг мой, не от меня зависело прервать оное; Господин Начальник Заводов был в продолжение целого месяца в отлучке, и потому не мог я ни получить от вас письма, ни равно писать к вам, а на сей почте вдруг получено много писем, два от Юлии, два от Флены и ваши оба письма, друзья мои.—Как

рад, что наконец сделалась после 8 лет наша переписка личною;—не в состоянии выразить, сколько удовольствия и утешения доставили мне теперешние ваши письма, казалось, будто в первый раз получаю от вас известия;—не раз слезы омочили глаза мои, пробегая ими утешительные слова ваши; какое благополучие иметь подобно тебе, неоцененная сестра, родственников! Не знаю, ошибаюсь ли или нету? но мне кажется, что только подобным нам, находящимся в изгнании, можно вполне оценить этот священный союз родства и дружбы! В каком ужасном положении должны находиться те из наших товарищей, которым судьбою определено противное. Благодарю сто крат вас, родные мои, что не допустили меня до сего страшного испытания!—Добрая и милая Флена дала вновь новое доказательство своей дружбы и привязанности ко мне; из письма ее видно, что она послала мне свой портрет, но к несчастью он не получен мною; вероятно при отправлении из Иркутска как нибудь ошиблись в посылках, ибо я получил одну, о которой однакож ни из одного письма не видно, чтобы кто нибудь из вас мне прислал; поддержку ее до будущей почты, ежели не будет и на той ничего, отпшли назад в Иркутск; нет тогда сомнения, что не мне принадлежит она, а кому нибудь из наших товарищей и что портрет, который следует мне послан к нему.—

[Приписка рукою Н. В. Цейдлера: „Портрет только что получен и потому еще не отправлен.“]

Представляю себе всю грусть доброй нашей Софии при разлуке с тобою и бедным ее сыном¹⁾,—дай боже, чтоб впоследствии дети ее чувствовали и постигли всю цену пожертвования, которое сия добродетельная мать для них делает; слава богу, что она будет в таком месте, которое хотя не так удаленно от Емиля и может быть от Граве, ежели сии последние переведены будут в Белогодск²⁾. Еще должно ее несколько успокаивать, что она не вовсе одна, а что позволено ей взять с собой дочь свою; но боюсь, чтоб чрез сие спокойствие не потеряла бы Сонюшка многого в воспитании своем, нет сомнения, подобного как в Петербурге не в состоянии ей будут дать в Полтаве. Не буду писать с сего почтою к ней, письмо мое более не застанет ее у вас, писать же в Полтаву не знаю настоящего адреса, и потому прошу тебя, милая сестрица, поблагодари ты ее за доставленное мне удовольствие ее письмом; поздравь ее [с] новым знаком милости монархини и скажи, что желаю от души ей всякого счастья на новом ее поприще.—

Я вижу из ее письма, что вас уверили в Петербурге, будто-б дают нам при начале нашего обзаведения лошадь, корову, дом, землю etc. etc., удивляюсь, как лгут у вас в столице, что за охота выдумывать? Ежели сие делается для успокоения или утешения родственников наших, то не должны они забыть, что дано нам позволение писать к ним, и что вероятно каждый из нас по-

¹⁾ С. И. Засс получила место начальницы Полтавского девичьего института.

²⁾ Беловодск, слобода Старобельского уезда, Харьковской губернии, на р. Дрекуля, притоке Северного Донца.

чет за обязанность разочаровать в сих нелепостях, поверьте ничего подобного нету теперь. Сие постановление существовало, ежели не ошибаюсь, до 1822 года, тогда действительно приходящий на поселение получал все сие, и давалась ему на несколько лет льгота от платежа всех повинностей; теперь же решительно не дается ничего и даже взимают с него подушной оклад, ежелиб он пришел накануне побора. — Благодаря правительству мы не платим никаких повинностей, за то и не имеем право пользоваться многими привилегиями данных поселенцу, как например: не позволяется нам никуда и ни шагу делать из деревни, не иметь никакого огнестрельного оружия, не позволяют завести никакой шкеры, нельзя нам присылать более 1000 руб: в год, исключая в первый, в которой для обзаведения позволено прислать 2000 руб.; деньги же должны непременно находиться в волостном правлении, где же есть управитель, то у него, и смотря по надобности их нам выдают. — Вы можете теперь судить сами, что от сих запрещений, весьма много источников к приобретению чего либо для прожития у нас отняты; — даже трудно определить, чем может заняться тот из наших товарищей, который не получит никакого денежного пособия от родных своих; — хлебопашество одно нам свободно, но для сего необходимо не малые деньги, ибо даже самую землю принужден я был купить, потому что крестьяне более не могли мне дать как три десятины, нуждаясь сами в ней.

Не более недели, как самая неприятнейшая болезнь позволила мне оставить постель; с 26 июля подвергся и я почти общей участи в свирепствующей теперь у нас болезни, это жестокой кровавый понос; первые дни начинается болезнь простым, но на третий или четвертый обращается в кровавый с неимоверною болью в желудке и в груди, наконец, расслабляет до такой степени человека, что не в состоянии встать с постели; 9 дней мучился я им, в сие то время узнал вполне тягость одиночества! Если-б мальчик, который у меня живет, не был при мне, — не знаю, что было-б со мною! Благодаря его доброму сердцу и привязанности, которую он имеет ко мне, он не оставлял меня ни на минуту; пятеро суток сряду не смыкал он глаз, с величайшим трудом мог и его наконец уговорить пойти лечь и заснуть хоть на один час; до такой степени сей бедный изнурился сим бдением, что почти полторы суток без просыпу спал. — Спросишь меня, чем мы лечились? Не знаю, как и отвечать, кажется всем и ничем; — кто что придумает, то и хорошо, мое лечение состояло в величайшей диете, кроме чаю с булкой, и то весьма немного, решительно целых шесть дней ничего не ел; — до сих пор из взрослых людей никто не помер, но зато уже несколько матерей лишились своих младенцев, теперь, благодаря бога, она кажется несколько прекращается, полагаю, не погода ли имела влияние на сию болезнь, ибо представте, что с конца апреля до 20 июня один только раз маленькой дождь шел у нас, а с того числа до сего дня ливнем, и не дает ни поставить сено, ни снимать хлеб, который и так весьма не завиден, не знаем что делать? Очень и очень буду благодарен милой твоей дочери за присылку маленькой аптечки, не знаю перемена ли образа жизни или климат

здешний, но с того времени, что прибыл в Стретенск, беспрестанно чем нибудь хвораю, за величайшее счастье почел бы оставить сие место. — Прошу тебя, засвидетельствуй глубочайшее мое почтение почтенному и достойному супругу твоему. Прощай, милая и любезная сестра, падаю вас всех, добрые родные мои, молю всевышнего о подании вам всех возможных благ. —

Брат твой А. Вегелин.

Благодарю тебя очень за присылку 400 руб.; они очень кстати пришли, ибо приближался уже конец присланным тобою в декабре месяце. — Забыл тебя еще благодарить, что ты обещаешься стараться о моем переводе. Дай бог, чтоб ты успела в сем. —

7. К Марье Ивановне Козенс.

Стретенск. 29 сентября 1833.

Прости, милая сестрица, что не отвечал тотчас по получении твоего письма от 18 июля, всю прошлую неделю и даже до сегодняшнего дня не имел ни минуты свободной: принужден был в сие время приготовить свои комнаты к зимнему житию; никакой возможности не было прозимовать в них как они находились, я для сего должен был перекочевать в сени; в избе такое множество тараканов, что никак не мог решиться вочевать в ней и от сего должен был пропустить одну почту не писав к тебе; теперь надеюсь, что спокойно прозимую, ибо все, что только нужно было, переделал; не найди нигде столяра и стекольщика, должен был сам их заменить, научившись несколько столярному мастерству в Петровском и Чите, оно мне пригодилось здесь, ибо сам себе сделал к окнам рамы и сам же вставил стекла и потому едва только сегодня мог перебраться в свои комнаты.

Можеш себе представить, милая сестрица, сколько опечалило меня твое письмо, не одна слеза выкатилась из глаз моих при чтении его. Бедная, бедная София! Представляю также себе сколько должна была страдать и ты сама, находясь безотлучно при ней в продолжение сей жестокой болезни ее; с нетерпением ожидаю от тебя письма, надеюсь, что не оставишь меня долго в сей мучительной неизвестности и поспешишь написать ко мне. — Три недели тому назад получил я ящик с лекарствами, но без всякого письма, и если-б прежде сего ты не писала бы ко мне, что милая дочь твоя хочет прислать мне овный, то я бы должен был отправить его назад в Иркутск, не зная мне ли оной принадлежит. Прошу тебя, друг мой, поблагодари за меня очень и очень дочь свою за сию присылку и спроси не удостоила ли она меня вместе с сим и письмом также? Очень было бы мне неприятно, если сие первое от нее письмо потерялось. — Вчера получил я письмо и портрет доброй Флены. Слава богу, что наконец дошел он до меня; по крайней мере теперь познакомлюсь с чертами сей милой особы; несколькими неделями должен был он ранее придти ко мне, но Рейхель, которому отдали его, чтобы отдать в Тульчине на почту, преспокойно забыл его на квартире у жида; благодаря честности сего еврея, он не потерялся; легко

могло б случиться, что он, никогда бы не дошел до назначения своего, если-б тотчас по выезде Рейхля не пошел еврей в комнаты, им занимаемые, где, напед в ящичке стола письмо и сей портрет и догадавшись, что сие принадлежит Рейхелю, он не замедлил, отослав в Рашков; — жалею, что [не] можеш ты его видеть, отлично хорошо сделан, а главное еще, как пишет Емилъ, чрезвычайно похож, одно, что меня досадует, это что не могу его иметь беспрестанно пред глазами; они не догадались, что в Сибири и в деревне нет возможности найти порядочного стекла и рамок, последнее кое-как сам мог бы сделать, но без стекла нельзя будет его повесить и потому, покуда не найду его, должен будет он лежать в ящичке.

Из письма твоего вижу, милой друг, что вас остановило просить о моем переселении уверение Ивана Богдановича; не знаю ошибаюсь ли или нет, что есть лучшие места в Сибири, нежели Стретенск? но могу вас уверить, что все то, что писал я в прежних моих письмах, есть сущая справедливость и до сей минуты несколько ни в чем не могу переубедиться; но как до сего времени вы оного не делали, то и буду просить вас оставить всякое предприятие на сей щег, ибо занявшись теперь полным хозяйством, заготовив к будущему году 8 десятин паров и засеяв одну уже рукою, равно как и другие разные заведения, которые не мало мне стоят и которые при переводе моем должен буду бросить, не получив ни гроша за них, расстроит меня чрезвычайно, и потому надобно оставаться в Стретенске. Я собрал в сей год до 100 пудов хлеба, отдав заимообразно взятые мною семена 34 пуда, остальное достаточно будет на посев к будущему году; для прожития же моего и двух людей, у меня ваходящихся, покупаю теперь по 2 руб: пуд, ибо зимою нет сомнения будет гораздо дороже по причине худого урожая. Чувствительно благодарен à D-elle Boniotte за ее память обо мне и за ее хождение во время болезни нашей доброй Софии, которую вместе с тобою, милой друг, цалую заочно, прося вас любить меня хотя в половину сколько вас любит и обоготворяет брат ваш

А. Вегелин.

Прошу тебя, друг мой, засвидетельствовать глубочайшее мое почтение достойнейшему супругу твоему, равно и детям твоим.

С. К. Марье Ивановне Козенс.

С. Стретенск. 6-го января 1834.

Милая и бесценная сестрица.

Много прошло времени от получения последнего письма твоего, наконец в день самого нового года был я обрадован доставлением мне вновь доказательства твоей привязанности письмом от 17-го и 18-го октября; — благодарю тебя сто крат, добрая сестрица, что не забываешь меня! день первого дня Рождества был тоже днем почты, но к сожалению не днем утешения и приятности, ибо не получил я ни строчки, ни от кого из вас, неоцененные родные мой! Вся сия неделя, в которую вероятно всяк христианин провел более или менее радостно, я, и мне подобные, одни лишь были в грусти и печали;

не думай, бесценная сестрица, чтоб тем хотел обвинять тебя за твое долгое молчание, нет, друг мой; знаю, что все сие время употребила ты на гораздо лучшие дела, ибо каждая минута была тобою посвящена сестре, которая единственно попечениями твоими избавилась от смерти; о, как много должны мы быть благодарны тому, который, так сказать, воскресил любимую сестру нашу! но признаюсь тебе, что с того времени, как поселен я в Стретенске, вы так избаловали меня своими милыми письмами и своею аккуратностью, что ежели пройдет неделя, а от вас нет ни слова, то предаюсь невольному страху, и эта неделя делается для меня несноснейшею в скучной жизни моей; вы только в состоянии утешать ее; — можеш себе представить, что значит быть совершенно одному между четырьмя стенами и почти, можно сказать, без всякого занятия, в сие время трудно и найти оного, хозяйство мое так мало еще, что, встав по утру и приказав работнику ехать на двух лошадях в лес за заплотом для ограды к купленному дому (оной почти вовсе нет или так ветха, что надо переменить), нечего более решительно делать по сей части; настает наконец час для выдачи провизии к обеду и тут то камень преткновения предо мною; человек, которого нанял для изготовления мне кушанья, кроме хорошо спечь хлеба, ничего не умеет, и же, не быв никогда гастрономом, мало и думал о поваренном искусстве, повар стотовит, правилось — я ел, но как делал, что клал — не знаю; а потому теперь для меня эта часть самая нитруднейшая, — думаю думаю и ничего не выдумую кроме супу и куска жаркого; правда бываю всегда сыт, это все что нужно человеку, но согласись que toujours des alouettes — несносная вещь, как быть? по крайней мере тем доволен, что кухмистер мой не развратного поведения и вовсе не пьет вино, для меня это главнейшее достоинство; для сего самого, несмотря на его неумение и на частые припадки падучей болезни, не хочу его переменить; когда же он хворает, то я с моим Александром оставляем учение, готовим сами себе что стумеем. Как счастлив я, что нашел этого мальчика, день ото дня становится он мне дороже; ты спрашиваеш, какого он сословия? просто сын небогатого крестьянина; высшего-б класса не позволили бы иметь у себя, а тем более обучать; строго запрещено нам оное; важется мне я писал вам о сем в прежних моих письмах, что ни под каким видом не позволено нам завести школы или обучать нескольких детей; вообще, друзья мои, поверте мне, что если-б не были вы так великодушны и добродетельны, уделяя с такою охотою от малого вашего состояния несколько и мне! то не знаю, каким способом мог бы найти кусок хлеба? ибо даже ежели, протянув руку, просить его Христа ради, то вряд ли мог оным долго пропитаться, жители села сами в нужде и многие в сие время не имеют его, идти в другое село — не позволяют, идти в работники не возмут из хлеба, ибо какую крестьянскую работу в состоянии я делать? — Недавно просил я правительство допустить меня сделать в волости нашей ревизскую перепись, она, кроме что дала-б мне занятие на всю зиму, еще доставила бы мне случай приобрести до 400 руб.; позволение получил с тем: „чтоб ни шагу не отлучаться от села, в котором поселен“.

Спрашиваю: каким образом оную сделать не быв лично в каждой деревне, в каждой избе? Прислать каждому хозяину за 150 и более верст ко мне невозможно, а потому, когда объявил о сем позволении выборным, то само собою разумеется отказали мне, несмотря что 100 руб: брался я оную сделать дешевле.— Вот вам некоторый образец того положения, в котором мы находимся, и если по несчастью не иметь таковых родных, как вы, или таковых товарищей как Волковские, Трубецкие, Муравьевы, Одоевские, Нарышкины etc., etc., etc.—то, нет сомнения, многие из наших товарищей должны бы (как не один говорит из них) умереть с голоду; но имея для первоначального обзаведения для хлебопашества достаточно денег, впоследствии, можно быть уверенным, не будут нуждаться.—

[Приписка рукою И. В. Цейдлера: Die Erlaubniss in den Dörfern herum zu reisen kann nicht gegeben werden, auch sich mit einer Lehranstalt zu beschäftigen ist nicht erlaubt. Перевод: Разрешение разъезжать по деревням не может быть дано, равным образом не позволено заниматься обучением в школе].

Ты спрашиваешь, милая сестрица, есть ли в Стретенске хоть человек, с которым мог бы провести скучные часы мои? Кроме Саши моего, нету; — управитель волости предобрый, пречестной человек — но ничего более, а потому бываю у него весьма редко и то более для получения писем ваших; старушка, прежняя хозяйка моя, также добрая женщина, но платит страшно за прежнюю свою жизнь и, можно сказать, вступила вовсе в разряд простых крестьянок, у нее бываю разве в месяц раз; священник не таков, как мы привыкли видеть пасторов наших лютеранских, а посему у него до сего дня еще не бывал и вряд ли буду; одним словом, не раз пройдут недели, а я шагу не делаю из своего дому. —

Благодарю тебя, очень и очень благодарен тебе, друг мой, за советы, которые в письме твоём, но будь спокойна насчет твоего брата; лучше минуя жизни, чем впасть в порок и разврат; слишком священна для меня память матушки нашей, чтоб когда либо мог забыть те наставления, которые получил еще в младенчестве; слишком дорожу вами, чтоб сродниться с пороком; а могу быть преступником политическим, но гражданским — никогда!

Прости, милой друг, что надавал тебе так много хлопот совершенно лишних в рассуждении моего перевода; признаюсь, от души хотел бы оставить Стретенск, чтоб быть с кем-нибудь вместе; но как до осени не могли вы этого сделать, то волею неволею должен оставаться здесь, ибо если-б теперь случился перевод, то совершенно расстроило бы меня и в таком случае опять принужден бы прибегнуть к вашему великодушию, без того уже ввел я вас в немалые издержки, совещусь — но вы видите сами необходимость; даже и теперь буду тебя просить выслать мне назначенные тобою деньги как наискорее, потому что сумма, назначенная для прошлого года выйдет до копейки, как для обзаведения моего, так и на прожитые целого прошлого года; теперь же, наняв работников, которым кроме содержания должен платить еще в год 215 руб.; они же не ранее могут мне принести какой либо выгоды

как в будущую зиму, до сего должен буду жить присылаемыми вами деньгами; надеюсь что если бог даст хотя немного лучшего урожая, как в прошлом лете, то будет в последний раз, что ввожу вас в столь трудные для вас издержки.

[Перевод с французского]. Мне не хватает слов, чтобы выразить всю мою благодарность твоему достойному и почтенному супругу за его любезную память обо мне; скажи ему, прошу тебя, дорогая Мария, что я принимаю часы, которые он хочет мне прислать, как самую дорогую память и как знак того, что мы не совсем оставлены людьми добродетельными; мои самые душевные приветы твоим дорогим детям. Прощай, дорогая и добрейшая сестра, радуй меня возможно чаще своими милыми письмами, пусть они докажут мне, что ты все еще любишь твоего нежного брата и истинного друга.

А. Вегелин.

Забыл благодарить тебя, милой друг, за желание прислать мне серебряных ложек, ты мне сям сделаешь большую услугу, покуда был в Чете и Петровском, было нам запрещено иметь у себя сей метал; теперь хотя я окружен заводами серебр[яными], но ни за какие деньги и золотника не достанеш. [Приписка И. В. Цейдлера: „Письмо и деньги, посланные Вашим Превосходительством от 15 декабря отправлены 25-го января. Также и посылка. Ваш покорный слуга И. Цейдлер“].

Э. К. Марье Ивановне Козенс.

Стретенск, 29 января 1835 года.

Милый и неоцененный друг мой!

Остается еще три дни до отправления почты, не надеясь на свои силы, я принужден с сегодняшнего дня помаленьку писать к тебе, добрая сестрица, из почерку можешь судить как еще слаб, но желание дать о себе известие вам, друзья мои, придаст мне силы кое как описать, что со мною случилось 15 сего месяца. Получив только посылку, которую ты была так добра прислать мне (Св: Пч.), едва прочитал крошечную записку твою, как вдруг почувствовал какое-то неприятное сотрясение во всех членах, сделалась головная боль, ноги начали подкашиваться, ну, словом, весь разнемогся. Я подумал, что, вероятно, где нибудь простудился и приказал вечером приготовить ванну для ног, продержав $\frac{1}{2}$ часа, я так ослабел, что не мог сам выйти и приказал позвать еще человека, чтобы меня вынули; — на несчастье человек, который пошел звать другого, сказал ему с видом испуга: „Эй, ступай скорей вынуть барина из ванны“, и тот, пришед в комнату, увидя, что я совершенно без чувств, испугался до того, что сделался с ним удар, и он упал посреди комнаты. Представь себе это зрелище — я поддерживаемый Сашею, человек посреди комнаты, два других от испуга не знают что делать? Наконец кое-как опамитовались они и вынули меня из ванны и положили в постель! Часа через два и я очнулся и вижу, что работник мой лежит посреди комнаты, спрашиваю причину — рассказывают

все что было. Я велел тотчас его оттирать спиртом и через 1/2 часа приведен он был в чувство, но потерял вовсе способность говорить, едва на пятый день стал он понемногу говорить. — Я же эти дни вовсе был без чувств, если опомнюсь в которуюнибудь минуту, то только и было у меня в голове, чтобы писать вам, родные мои, и проститься с вами. Целых четыре письма были мною написаны, Саша должен был их после смерти моей доставить к вам! Верить ли, мой друг, что смерть несколько не страшна мне, напротив я радовался чему то, чего сам не мог себе объяснить; всякий раз когда мне очень дурно делалось, то приказывал Саше, чтобы клал мне на грудь землю, под которой покоится наша дражайшая мать, и умолял его только, чтобы он особенно смотрел, чтобы эта земля была положена со мною в могилу. Восемь дней был я в положении, что каждую минуту встречал как минуту смерти моей! В девятый день сделалось мне очень худо, перестал узнавать людей, которые подходили, все мутилось в глазах; решился я просить управителя, чтоб он просил от меня Начальника Заводов прислать медицинского чиновника, но к утру десятого дня сделалось мне полегче и приезд м. чиновника в 13 день болезни моей был вовсе излишним, одно добро, что он мне сделал — это что привез с собою бутылку уксусу. — Теперь хотя и есть еще жар, но он происходит более от слабости, голова так тяжела, что кажется каждую минуту хочет свалиться с плоч; аппетита до сей минуты ни к чему не имею, одно, что охотно пью, это самое горячее молоко, до сего никогда не пивал, а теперь нравится.

Посланная тобою посылка с серебр[яными] ложками, вилок, ножем, аподельюком, тесемками и иголками разбила дороною и, представь мою досаду, самое нужное потерялось, по крайней мере до сего дня еще не получил ложки, писал я об этом Иван Богдановичу и быть может не потеряются эти вещи. — Прощай, бесценная сестрица, пожелай мне скорее выздороветь. Люби меня хотя в половину того сколько тебя обожаю. Достойному супругу твоему засвидетельствуй от меня глубочайшее почтение, еще раз прощай, мысленно прижимаю к сердцу, которое так нежно любит родных своих.

А. Вегелин.

Верить ли, что с величайшим усилием в три дня едва окончил этот листок.

Сообщил и снабдил примечаниями А. А. Сиверс.

4. Декабристы Крюковы, Вольф, Фаленберг и Борисовы в 1845 г.

В архиве Юшневских сохранилось много писем жены декабриста А. П. Юшневского — Марии Казимировны из Сибири. Значительная часть их, имеющая „наибольший интерес для положения декабристов в Сибири“, была издана киевским профессором П. В. Голубовским („Письма декабриста А. П. Юшневского и его жены М. К. из Сибири“ — „Чтения в Историч. Обществе Нестора Летописца“ и отд., К., 1903 г.).

Но и среди неизданных писем имеется много любопытных данных, хотя в целом своем виде эти письма довольно однообразны, как однообразна была одинокая жизнь М. К. после смерти, в 1844 г., ее супруга.

В письме М. К. к брату мужа — Семену Петровичу, в Подольскую губ. от 23 ноября 1845 г. из М. Разводной, бедной деревушки в 6 в. от Иркутска, имеется значительный отрывок, представляющий и более общий интерес. Эту заключительную часть большого, в 12 страниц почтового формата, письма мы воспроизводим ниже, вслед за двумя начальными строками письма.

Сообщил В. Базилевич.

26 ноября 1845 г.

Малая Разводная.

Добрейший мой друг и брат Семен Петрович . . . . .

Хочешь ты представить себе Крюкова старшего Александра ¹⁾? Представь себе седого как лунь розового, чистенького старичка, одетого по последней моде, *tiré a quatre epeingle* — с претензиями, булавки, воткнутые в галстук. Перчатки с пуговичками бронзовыми, всегда мил, любезен в кругу сибирячек толкующей старинные комплименты — готов танцевать, когда угодно — ах помнишь твоего покойного брата слова, медвежья пятка его называл, Николай Крюков ²⁾, мужик сущий, хлебопашец пристрастный — хозяин, домосед. Ферд [ианд] Богд [анович] ³⁾ давно в Тобольске — он

¹⁾ Крюков, Александр Александрович. Род. в 1794 г. сын нижегородского губернатора. С 1807 г. служил в Коллегии Иностранных Дел. В составе нижегородского ополчения совершил заграничный поход 1813 — 1815 г.г. Член Союза Благочестия и Южного Общества. Во время восстания декабристов — поручик Кавалергардского полка и адъютант главнокомандующего 2-й армии гр. П. Х. Витгенштейна. Осужден по 2 разряду — на 20 лет каторжных работ и затем на поселение. Отбывал наказание в Чите, на поселении жил в Минусинске. Характеристика в письме М. К. совпадает с другими данными о Крюкове. Его товарищи называли мягким и добрым человеком; сибаритом и гастрономом; любителем общества и книг. О нем Н. Павлов-Сильванский — „Материалисты двадцатых годов“, „Былое“, 1907 г., июль и окт. переиздания.

²⁾ Крюков, Николай Александрович, младший брат предыдущего. Род. в 1800 г. Воспитанник Московского Благородного пансиона и учебного заведения для колонновожатых. С 1810 г. — офицер. В 1825 г. — поручик квартирмейстерской части во 2-й армии (Тульчин). Член Союза Благочестия и Южного общества. Осужден, как и его брат, по 2 разряду. Прекрасно образован и начитан в современной ему литературе, особенно французской. Сохранные в его бумагах выписки из книг — „полный свод обязанностей и разрядных уставов новейшей философии“, по отзыву следователя. Н. Крюков начал несколько „рассуждений“, написанных под сильным влиянием различных западно-европейских мыслителей. Атеист в молодости, в ссылке стал религиозным.

³⁾ Вольф, Фердинанд Борисович, штаб-лекарь, коллежский ассесор — Член Союза Благочестия и Южного общества. Осужден на каторжные работы на 20 лет. С декабря 1835 г. переведен на поселение в Урик, Иркутской губ., а оттуда, в феврале 1845 г., в Тобольск „с представлением ему права заниматься, попрежнему, частным врачеванием больных, при строгом наблюдении полиции“. Был давним знакомым и приятелем Юшневских. Умер 24 декабря 1854 г.